

Тридцать второй год правления императора Чунъю династии Да Юань, зима. Астрономическое бюро наблюдало за звездами и обнаружило, что сияние Императорской звезды угасает.

Тридцать третий год правления Чунъю, весна. Резиденция Наследного принца, Восточный дворец, была поглощена великим пожаром и обратилась в пепел.

Наследный принц, супруга наследного принца, пятилетний Императорский внук-наследник и Великий генерал, покоряющий Запад, Маркиз Чжэньбэй — все они исчезли в пламени этого пожара.

Наступившая ранняя весна, которая должна была быть полна жизни и пробуждения всего живого, погрузилась в мертвую тишину.

Император Чунъю, достигший своего шестидесятилетия, внезапно узнал о страшной вести. Охваченный невыносимым горем, он выплюнул кровь и с тех пор не мог подняться с постели. Он передал трон шестому принцу, который изменил имя правления на Динъань.

Первый год правления Динъань. С границы пришли срочные донесения. В докладах говорилось, что Бэйдань объединилась с Сицзюэ и атакует Да Юань, уже захватив три города: Город Синьчжоу, Город Яньчжоу и Город Цзячжоу.

Если не отправить войска на подмогу, следующим падет ключ к жизни и смерти Да Юань — Застава Цинъюй.

Это место некогда защищал покойный Маркиз Чжэньбэй, сын Великого генерала, покоряющего Запад, Маршала, Герцога Динго.

Молодой император Динъань созвал чиновников для обсуждения западного похода, однако все они хранили молчание.

В зале совета воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает игла.

Династия Да Юань долгие годы вела непрерывные войны, на границах повсюду полыхали огни тревоги, а государственная казна давно опустела. Влиятельные кланы и знатные семьи придерживали деньги и продовольствие, не желая больше отдавать их государству.

Видя это, император Динъань от гнева и отчаяния швырнул срочное донесение на пол дворца.

В конечном итоге лишь седовласый Герцог Динго распродал все активы поместья герцога, чтобы собрать военные расходы, и просил императора позволить ему возглавить войска, чтобы защитить Заставу Цинъюй на Северо-Западе вместо своего сына.

Это уняло гнев Небесного сына.

В это время династия Да Юань балансировала на грани краха.

Снаружи на нее хищно смотрели Бэйдань и Сицзюэ, а внутри знатные семьи высасывали соки из народа. Под гнетом тяжелых налогов жизнь простых людей висела на волоске: поля заброшены, а люди были вынуждены скитаться в поисках крова.

На Северо-Западе же разыгрался страшный голод; тысячи беженцев плакали, не находя выхода своей беде.

Северный ветер закручивал желтый песок, и по старой, давно не отремонтированной

государственной дороге с трудом продвигалась повозка.

Резьба на повозке была скрыта под слоем пыли, не выдавая былого величия. Возница был юношей, одетым в грубую холщовую одежду, его лицо было покрыто серой пылью. Губы его были совсем сухими, словно он долго не пил воды; сжимая в руке кнут, он механически, раз за разом, подгонял коричневую лошадь, чьи силы были почти на исходе.

Лошадь тащила повозку по дороге с рассвета до самого заката, но вокруг не было даже заброшенного храма — лишь безлюдная пустыня.

«Похоже, сегодня снова придется спать прямо в повозке», — вздохнул про себя юноша. Он нашел место с густой травой и остановил повозку; лошадь сама по себе склонила голову, чтобы пощипать траву.

Как только повозка замерла, внутри послышалось движение. Человек за занавеской протянул наружу кусок лепешки.

На самом деле это была не совсем лепешка, а лишь крошки из соевой муки, замешанные на воде и поджаренные на огне. Вкус был отвратительным, а в условиях нехватки воды от такой еды жажда только усиливалась.

Но выбора не было: не поешь — умрешь от голода.

Юноша попытался вернуть руку с лепешкой обратно, его голос был хриплым, будто в горле перемалывали песок:

— Молодой господин, оставьте это малому господину. Я не голоден.

— Возьми, — голос Чжао Кэжэнь был чистым и нежным, подобно журчанию ручья в Цзяннани, он проникал в самое сердце. Этот голос совершенно не вязался с суровым и холодным Северо-Западом.

Занавеска приоткрылась, и резкий, ледяной ветер тут же ворвался внутрь; Чжао Кэжэнь от холода втянул голову в плечи.

— Похоже, скоро прибудем. Поешь, чтобы утром были силы управлять повозкой, — Чжао Кэжэнь протянул лепешку из бобовой муки вперед; ветер обжигал его руки, и кончики белых пальцев уже покраснели. Он пошевелил пальцами, которые от холода стали почти онемевшими, и поторопился:

— У меня руки совсем замерзли, скорее.

Юноша поспешно принял лепешку, поблагодарил и принялся жадно есть.

Чжао Кэжэнь тут же скрылся в повозке. Там находился пятилетний малыш, который сжался в комок, прижавшись к стенке. Он робко смотрел на Чжао Кэжэнь; возможно, из-за сильного истощения его глаза казались непропорционально большими.

Лепешка была почти на исходе, поэтому Чжао Кэжэнь разделил ее пополам и отдал половину ребенку. Тот быстро схватил угощение и прошептал, едва слышно, словно комар:

— Спасибо, старший брат.

У Чжао Кэжэнь был отличный слух, и хотя голос ребенка был тихим, он все услышал. Он

протянул руку, погладил малыша по голове и улыбнулся:

— Сяюй, не за что.

Чжао Сяюй, кажется, не ожидал, что его погладят по голове. Раньше брат всегда сидел в повозке с бесстрастным лицом, а сегодня он вдруг улыбнулся ему, подарив долгожданное чувство тепла. Малыш начал мелкими кусочками есть лепешку, и уголки его губ непроизвольно поползли вверх.

«Папа не обманывал меня, старший брат совсем не злой».

Чжао Кэжань, опустив голову, разделил оставшуюся половину лепешки еще на три части и убрал их, не заметив перемены в настроении Чжао Сяюя.

Он не будет есть сегодня. В самом начале апокалипсиса он часто голодал и уже привык к этому. Эти запасы он прибережет, чтобы разделить их на троих завтра утром; пусть они не насытят, но помогут унять голод.

— Шу Мо, заходи в повозку, отдыхай пораньше, чтобы завтра мы могли выехать пораньше. Как только войдем в Город Цзинъян, сможешь хорошенько поспать и вкусно поесть.

Как только Чжао Кэжань договорил, Шу Мо отозвался:

— Слушаюсь, молодой господин.

Шу Мо ловко подложил деревянные колышки под переднюю часть повозки, отделил лошадь от телеги и привязал ее к дереву неподалеку.

Луна поднялась над ветвями. В тесной повозке теснились трое: Шу Мо спал с самого края, чтобы в любой момент иметь возможность проверить лошадь и не дать ей убежать.

Прислушиваясь к прерывистому и глубокому дыханию, Чжао Кэжань начал свою ежедневную битву с Системой.

«Брат, ну давай, как только войдем в город, сразу выполним задание, а?»

Чжао Кэжань пропускал эти слова мимо ушей. За последние дни он слышал эту фразу от Системы столько раз, что у него уже мозоли на ушах должны были появиться.

Секрет победы в битве — полное игнорирование.

Закрыв глаза, он погрузился в воспоминания.

Чжао Кэжань был перемещен из другого мира. В прошлой жизни он был доктором наук в области сельского хозяйства в эпоху апокалипсиса и обладателем способности элемента дерева королевского ранга.

Чтобы исследовать питательный раствор, он слишком часто использовал свои способности и впал в кому. Когда он очнулся, в его голове появилось нечто под названием «Система Шэньнун», а его ядро сверхспособности исчезло.

Люди в базе решили, что он перенапрягся и его ядро разрушилось.

На самом деле только Чжао Кэжань знал, что его ядро поглотила эта чертова Система для

поддержания собственной работы.

Хотя в процессе дальнейшей разработки питательного раствора Система предоставила ему много знаний, отсутствие поддержки способностей привело к стремительному ухудшению его физического состояния и ментальной силы. Как только разработка раствора была завершена, он умер от переутомления.

Когда он очнулся снова, то уже оказался в ином мире, в древнем государстве под названием Да Юань, о котором никогда прежде не слышал.

Вместе с ним пришла и эта «Система Шэнь-нун».

Человек, в тело которого он вселился, тоже звали Чжао Кэжань. Его дед был наставником Наследного принца, а отец — Ректором Императорской академии. О «Чжао Кэжане» с трех лет ходили легенды как о гении, способном излагать мысли в изысканных стихах; его слава о божественном ребенке разнеслась по всей столице Фэнъян.

В семь лет он упал в воду и пролежал в коме много дней. Говорили, что в то время странствовал один известный даос, который лишь заметил, что судьба этого мальчика необычна: он словно и не жив, и не мертв.

Это было предзнаменование великого бедствия.

После ночных разговоров с тем даосом Наставник Чжао велел «Чжао Кэжаню» принять даоса в учителя и жить в даосском храме, не стремясь к богатству, а желая лишь здоровья и долголетия.

Восемь лет спустя даос скончался, а «Чжао Кэжань» умер от отравления в ночь перед тем, как его должны были вернуть в поместье семьи Чжао.

Система зафиксировала высокую совместимость генетической последовательности с Чжао Кэжанем и, перекинув его сквозь пространство и время, впихнула душу Чжао Кэжана в это тело.

Она назвала это «искуплением долга».

Поскольку это была чужая душа, на адаптацию к телу требовалось время, и в этот период Система полностью управляла движениями тела.

Вернувшись в поместье Чжао, Чжао Кэжань по указу императора был отправлен в суровые северные земли на должность уездного начальника маленького городка.

Это император Динъань начал чистку среди чиновников. По логике вещей, у Чжао Кэжана не было заслуг, позволяющих занимать государственную должность, но его предки были великими людьми, и он получил это положение по праву наследования.

Семья Чжао, возможно, что-то заподозрила, но не стала возражать, а сразу принялась за подготовку. За те восемь лет, что «Чжао Кэжань» провел в горах, в семье появился новый член — его родной младший брат.

Малыш с рождения был слаб здоровьем, поэтому, чтобы не обременять его, ему дали простое прозвище — Чжао Сяююй.

В повозке, на которой Чжао Кэжань выезжал из города, был потайной отсек, где семья Чжао спрятала пятилетнего ребенка. Они лишь молили о том, чтобы он и его брат смогли спастись.

После того как они покинули город, Чжао Сяюй выбрался из отсека. Сопровождавшие их тринадцать человек были людьми Наставника Чжао; среди них был Шу Мо, внук главного управляющего поместья Чжао, которому было шестнадцать лет.

В то время Чжао Кэжань все еще адаптировался к телу и не мог полностью им управлять, поэтому его передвижения зависели от Системы.

А Чжао Сяюй целыми днями смотрел на своего бесстрастного брата, и его маленькое сердечко было изранено до глубины души.

<http://bllate.org/book/17722/1656469>